
12+
ЗВЁЗДНАЯ КОЛЫБЕЛЬ
Тайны живого мира,
где деревья поют,
а камни помнят имена
Дмитрий Ганин

Дмитрий Ганин

Звёздная колыбель

«Издательские решения»

Ганин Д. А.

Звёздная колыбель / Д. А. Ганин — «Издательские решения»,

Планета Ксандрия встретила первых поселенцев тишиной. Потом оказалось, что тишина — это язык. Вся экосистема — от поющих рощ до воды, которая ждёт тысячи лет, — обладает коллективным разумом, и он ставит людям простое условие: понять или быть отвергнутыми. Командир Саша Вейль заводит словарь, которого не было ни в одной экспедиции, — и узнаёт, что планета знала её имя до того, как она его произнесла. Первый контакт, в котором чужой — не враг, а недоученный собеседник. Счёт всегда сходится.

© Ганин Д. А.
© Издательские решения

Содержание

О книге 6
Глава первая. Молчание, которое слушает 7
Глава вторая. Словарь 11
Глава третья. Вода 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Звёздная колыбель

Дмитрий Анатольевич Ганин

© Дмитрий Анатольевич Ганин, 2026

ISBN 978-5-0071-5845-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О книге

«Звёздная колыбель» — фантастический роман о первом контакте, где чужой — не враг, а недоученный собеседник.

Космический корабль доставляет на планету Ксандрию две тысячи двести колонистов. Планета встречает их тишиной — и вскоре выясняется, что тишина эта говорит: вся экосистема Ксандрии, от поющих крон до камней, хранящих имена, обладает коллективным разумом. Он не атакует и не препятствует — он записывает, слушает и ждёт. Чтобы выжить, людям предстоит выучить язык, у которого нет слов, но есть память на миллион лет вглубь: планета читает не просьбы — обещания. Она отличает намерение от заявления, возврат от захвата, гостя от захватчика.

Командир первой волны Саша Вейль заводит словарь — бумажную тетрадь с двумя колонками: слева то, что сделала планета, справа то, что сделала колония, между ними — узкая графа «смысл». Из одиннадцати строк первых дней вырастает переписка сорока двух словарей, школа чисел для детей, скважина-хранилище на четырнадцатом метре и сад на восточном плато, посаженный в человеческий рост теми, кто вошёл в девять лет назад и не вернулся. А в закрытых архивах экспедиции обнаруживаются стёртые страницы паспорта и координата, которую кто-то снял с поверхности за двадцать два года до вылета — и стёр так, чтобы не осталось даже обрывка.

«Звёздная колыбель» — история о цивилизации, которая почтила бы планету одним фактом своего существования, если бы научилась не считать её ресурсом. О колонизации, которая оказалась возвращением. И о счёте, который всегда сходится.

Глава первая. Молчание, которое слушает

Двадцать лет пути заканчиваются не криком и не салютом, а списком проверок.

— Система навигации — норма. Криокапсулы — норма. Структура посадочного модуля — норма. — Голос Серёжи Вышеславского в последний час повторял одно и то же слово так ровно, что Саша Вейль перестала его слышать и начала считать повторения. Норма, норма, норма. Двенадцать раз. Тринадцать. Она отвела взгляд от иллюминатора — там уже была не звёздная пыль, а диск планеты, растущий быстрее, чем положено расти любой планете, — и вернулась к списку. Четырнадцать. Пятнадцать.

— Серёжа, — сказала она, — сколько раз ты сказал «норма»?

— Не считал. — Он не поднял головы от панели. — Двенадцать. Плюс контроль обратной связи. Плюс норма.

— Шестнадцать. Я считала. У нас две тысячи двести колонистов, один посадочный модуль на сто двадцать человек, один шанс на вход в атмосферу и ноль прав на ошибку. А ты в последние двадцать минут не докладываешь мне о системах. Ты успокаиваешь себя. Это разные операции, и вторая дешевле, поэтому её и больше.

Серёжа наконец повернулся. Лицо у него было усталое — двадцать лет сна, три года бодрствования, инструкторская практика перед посадкой. Он был старшим пилотом, и его работа заключалась в том, чтобы довести модуль до поверхности; её работа заключалась в том, чтобы довести модуль до поверхности осмысленно. Они двадцать лет не спорили — не потому что не о чем, а потому что споры тратят кислород и лексикон, а лексикон на замкнутом борту дороже кислорода.

— Вейль, — сказал он, — если ты сейчас мне скажешь, что планета нас не примет, я всё равно посажу модуль.

— Я не скажу этого. Я скажу другое: мы не знаем, что нас ждёт, и «норма» относится к бортовым системам. К планете слова «норма» нет. Она не бортовая система. Она — территория с неизвестными свойствами, и я хочу, чтобы вы все это запомнили: мы не приходим туда, где нас ждут. Мы приходим туда, где нас ещё нет в чьём-то списке.

— У кого в списке?

— Не знаю. Пока — ни у кого. — Она посмотрела на планету — и добавила то, что не входило ни в один протокол: — Пока.

* * *

Ксандрию они увидели за девять часов до входа в атмосферу — и первые полчаса молчали. Это тоже не было в протоколе: протокол требовал докладов, распределения обязанностей, сверок. Но командный состав «Гнезда» — так назывался посадочный модуль, и название выбрали не они, а проект двадцать лет назад, — нарушал протокол молчания, потому что человек, который впервые видит чужую планету во весь иллюминатор, не говорит. Он смотрит.

Она была зелёная. Не серо-зелёная, не болотная, не приглушённая атмосфёрой — зелёная так, как зелёная не бывает: от полюса до полюса, без пустынь, без ледяных шапок, без единого пятна, которое можно было бы назвать мёртвым. Материки — это была одна тень другого оттенка. Океаны — тёмные, глубокие, с рисунком течений, похожим на вены листа. И над всем этим — атмосфера, чистая до подозрительности: ни штормов, ни пыли, ни облаков в привычном смысле — только лёгкие спирали испарений, которые поднимались от континентов и закручивались, как будто планета дышала и выдыхала осознанно, с расстановкой.

— Это же не готовая к приёму колония, — сказал Серёжа наконец. — Это сад. Кто-то её держит в саду.

— Или она сама держит себя в саду, — сказала Саша.

Разница между двумя фразами была всем содержанием экспедиции. Они оба это понимали, и потому следующий час обсуждали траекторию входа, ветра, тепловые нагрузки и резервные площадки — всё то, что было понятно и в чём не было ни грана неизвестного. Неизвестное они оставили за иллюминатором. Его следовало не обсуждать, а встретить.

* * *

Атмосферу они вошли в 06:17 по бортовому времени — чисто, без вибраций, без нагрева сверх расчётного. Модуль шёл вниз сквозь слои воздуха, который был слишком чист для планеты с такой биомассой: Саша читала показания датчиков, и датчики отказывались верить себе. Кислород — выше земной нормы на одиннадцать процентов. Спор и пыли — ниже порога регистрации. Аэрозолей — почти нет. На планете, под которой — судя по снимкам — росла биомасса в четыре раза плотнее земной, воздух должен был пахнуть и шипеть. Он не пах и не шипел.

— Это не биосфера, — сказала Саша, глядя на спектрометр. — Это фильтр. Кто-то следит за чистотой.

— Или это свойство, а не следствие, — сказал Серёжа. — Не всё, что чисто, чистят.

Модуль вошёл в облачный слой — редкий, слоистый, тёплый. А внизу открылось то, что Саша потом будет описывать в отчётах одним словом, потому что других не нашла.

Лес.

Он начинался у горизонта и заканчивался у горизонта. Но это не было «лесом» в смысле, который она знала по фото Земли двадцатилетней давности. Деревья стояли не толпой — строем. Расстояния между ними были ровные. Кроны не переплетались хаотично, а образовывали ярусы — и каждый ярус был своего оттенка зелёного, от почти чёрного в глубине до серебристо-белого на вершинах, будто цвет определялся не освещением, а ролью. И между стволами — Саша увидела это только когда они опустились ниже тысячи метров — тянулись светящиеся нити. Тонкие, как волокна, они шли не по земле и не по воздуху, а между стволами, соединяя дерево с деревом, и светились в сумерках рассвета холодным бледно-золотым светом. Сеть. Не глазами — рассудком Саша поняла, что это сеть. Что вся эта биомасса, вся эта зелень от полюса до полюса — не сумма деревьев. Один организм. Один гигантский, невообразимо сложный, живой узел, который раскинулся на целую планету и который не прятался — он был виден с орбиты, если уметь видеть.

— Серёжа, — сказала она.

— Вижу, — сказал он. И после паузы добавил то, что оба они знали и не произносили вслух: — Мы этого не описывали в заявке.

— Мы этого не знали.

— Мы этого не знали, — согласился он. — Заявка описывала планету как ресурс с приемлемым уровнем биологической опасности. Заявка писалась двадцать два года назад. Тот, кто её писал, не видел этого. И если бы увидел — не разрешил бы посадку.

— Поэтому мы и не увидели. Нам не показали.

Серёжа молчал долго. Потом сказал:

— Сажаю всё равно. Выбора нет: обратной тяги на возврат — на шесть месяцев горения. Посадка или смерть на орбите.

— Я не предлагала возвращаться, — сказала Саша. — Я предлагала понять, куда мы приходим. Это разные решения, Серёжа. Первое уже принято за нас. Второе — нам ещё предстоит.

* * *

Модуль сел в 07:43 по бортовому времени. Ровно, мягко, в той точке, которую выбрал автопилот по расчётам Серёжи: плато между двумя грядами невысоких холмов, дно — тёмная почва, плотная, поросшая низким мхом. Ни вокруг, ни в радиусе трёх километров — по данным сканирования — не было воды. Это было принято как факт: колония поставит испарители, колония пробурит грунт. Саша поставила этот факт отдельно, в столбик вопросов, потому что

планета в четыре раза плотнее земной биомассой не могла не иметь воды — значит, вода была. Но не здесь.

Молчание.

Она заметила его первой — раньше, чем вышли наружу, ещё на борту, когда переговорный канал замолчал на семь секунд, и все сто двадцать человек на борту одновременно перестали говорить, не сговариваясь. Это не было шоком или восторгом — это было похоже на то, как замолкают, входя в чужой дом, где спят.

Потом открыли люк — и вышли наружу.

Воздух был тёплый. Ненормально тёплый — минус четыре по расчётам, плюс одиннадцать по факту. Пахло — ни чем. Вообще. Ни травой, ни влагой, ни почвой. Кислород — на одиннадцать процентов выше нормы. И — тишина. Не «тишина природы», которую они репетировали в учебниках первой колонизации: тишина — это отсутствие звука. Здесь звука не было только того, который они ждали — ветра, шелеста, птиц, чего угодно живого. Но вместо этого была другая тишина — та, которую человек не слышал никогда: полная, спокойная, терпеливая. Не пустая. Заполненная — тем, чего не слышат.

Саша стояла на краю посадочной площадки, опустив перчатку на мох, и смотрела, как под её ладонью мох не шелохнулся. Не отталкивал. Не тянулся. Ничего.

— Здравствуйте, — сказала она вслух.

— Вейль? — окликнул её Серёжа из модуля. — Кому это?

— Не знаю, — сказала она честно. — Пока ни к кому.

Она не услышала ответа. Не почувствовала. Не увидела. Но когда она подняла перчатку с мха и отступила на шаг, мох под её ладонью — медленно, очень медленно, за тридцать секунд, которые она отсчитала внутренне, не отрывая взгляда, — изменил оттенок. Не потемнел. Не посветлел. Он стал ровно тем цветом, который была её перчатка — тёмно-синим, командным. Ровно этим цветом, ровно этим оттенком, ровно в той точке, где она стояла.

Саша не двинулась. Она смотрела на мох под своими ботинками — и мох смотрел на неё. Не как на угрозу. Не как на ресурс. Как на то, что пришло и теперь занесено в список — в чей-то список, о котором она не знала ничего, кроме того, что он существует.

— Серёжа, — сказала она, не оборачиваясь. — Собери всех. Нам нужно поговорить до того, как мы начнём разгружать модуль.

— Что-то не так?

— Нет. Всё так. — Она помолчала и сказала то, что потом войдёт в первый протокол колонии и будет цитироваться в академиях Земли через сто лет, пока сама об этом не узнает: — Планета нас заметила. Это не вопрос и не предупреждение. Это факт, и он уже зарегистрирован — не нами. Я хочу, чтобы вы все это поняли до того, как сделаете первый шаг по её территории: с этой минуты мы не здесь одни. Мы здесь в чьём-то внимании. И внимание — это не то же самое, что враждебность. Но и не безопасность.

* * *

Позже — вечером того же дня, когда модуль был закреплён, а люди распределены по первым вахтам, — Саша вышла на площадку ещё раз. Одна. Она не писала это в протокол: было двадцать два часа, её вахта закончилась, и никто не имел права ей запретить стоять на краю собственной колонии.

Небо над Ксандрией было чистое — две луны, большая и маленькая, стояли рядом, как поставленные намеренно. Звёзды — с них начиналась вся история Земли — стояли на своих местах, как будто их не двигали двадцать лет ради них.

И тогда она услышала.

Не звук. Не шум. Не пение — слово «пение» она отвергла сразу, потому что пение — это намерение, а намерение она пока не имела права приписывать даже целой планете. Скорее — вибрацию. Низкую, почти ниже порога слышимости, идущую не из воздуха, а из-под земли —

из почвы, из-под почвы, из глубин, — ровную, спокойную, с определённым ритмом. Ритм был сложный. Не простой, не пульс — последовательность, которая не повторялась, но в которой было что-то, что она узнала.

Пауза. Тон. Пауза. Тон. Пауза — длиннее. Тон — ниже.

Она стояла и слушала. И вдруг поняла — не умом, а телом, от стоп до затылка, — что это не звук планеты. Это не ветер, не тектоника, не резонанс.

Это была запись.

Кто-то — что-то — записывало. Всё, что было сейчас: её вес на мхе, тепло её тела, её дыхание, её решимость, её страх, её имя, которое она не произнесла вслух, но которое планета прочитала из её походки, из её веса, из того, как она встала, — всё это прямо сейчас, в эту секунду, записывалось в землю, в корни, в стволы, в камни под ними.

Камни помнят имена — так ей скажут позже, через месяцы, когда они научатся читать. Сегодня она этого не знала. Сегодня она просто стояла на краю света и чувствовала, как её запоминают.

И тогда, впервые за двадцать лет пути, Саша Вейль заплакала — не от горя и не от страха, а от того, что невозможно назвать без пафоса и что она потом, в отчётах, будет называть «первым контактом», а сама запомнит иначе: кто-то, впервые за всю её жизнь, обратил на неё полное внимание и ничего не попросил взамен.

* * *

За холмами, в четырёх километрах от плато, вода была. Она стояла в котловане — тёмная, глубокая, спокойная — и ждала. Не их. Просто ждала, потому что ждала всегда — с тех пор, как её оставили здесь, в котловане, чтобы она дождалась тех, кто придёт.

Вода ничего не сделала. Она не потемнела, не вспенилась, не поднялась. Она лежала на своём месте, как лежала тысячу лет.

Но в ту же ночь, в 03:00 по бортовому времени, когда все спали, а на внешнем посту дежурила второй пилот Мира Соловьёва, гидролокатор колонии — единственный активный датчик, который они оставили включённым на поиски воды, — зафиксировал всплеск. Один. Слабый. Источник — котлован в четырёх километрах, вне зоны посадки, вне зоны интересов.

Мира записала время: 03:00. Записала координаты. Записала амплитуду — на грани чувствительности, на границе погрешности, там, где датчик мог соврать.

Она не разбудила командира. Она просто поставила в отчёте галочку «подтвердить» — и не написала в комментарии «вероятно, сбой», потому что не была уверена в том, что это сбой. Она не была уверена ни в чём. Но она была уверена, что впервые с момента посадки планета сделала что-то по своей инициативе, не дожидаясь, пока её попросят.

Вода ждала тысячу лет. В 03:00 она впервые за тысячу лет шевельнулась — и это не было случайностью. Вода не шевелится случайно. Вода шевелится, когда её наконец слышат.

Глава вторая. Словарь

В первый день колония сделала три ошибки, и все три Саша занесла в журнал не как ошибки, а как факты. Ошибками их позже назовут выжившие из тех, кто их повторит.

Первая: колония разместила солнечные панели на открытой площадке, в сорока метрах от модуля. К вечеру панели покрылись тончайшей плёнкой — не пылью, не спорами, не смолой. Что-то, что было в воздухе и оседало на гладкие поверхности, закрывало их ровным слоем, и к следующему утру выработка упала на сорок процентов. Техники трижды протирали панели — и трижды плёнка возвращалась за ночь, ровная, как стекло, без пятен, без края. Энгельман, старший инженер по энергетике, назвал это загрязнением и написал в отчёте «требуется фильтрация внешнего воздуха».

Саша прочитала отчёт и подумала, что фильтрация не поможет. Плёнка ложилась только на панели. Не на модуль, не на скафандры, не на гусеницы вездехода, стоявшие рядом. Только на те поверхности, которые давали электричество. Она не написала об этом в ответе на отчёт — не потому что сомневалась, а потому что понимала: то, что она напишет, переводит колонию из режима «освоение» в режим «переговоры». Переговоры можно начинать один раз. Она хотела сначала понять, с кем.

Вторая: вода. Саша отправила разведгруппу к котловану сразу после завтрака — четыре человека, вездеход, полный комплект заборов. Группа вернулась через шесть часов с водой, пробами и молчанием. Вода была чистой — сверхчистой, как дистиллят, без одной микрофлоры, что было невозможно для открытого водоёма. Пробы донного грунта показывали странное: верхние полтора метра грунта котлована имели структуру, несовместимую с природным осаждением. Слишком правильную. Слои шли как страницы книги — ровно, без смещений, и каждый слой был одного состава.

Командир группы, Игорь Тан, отрапортовал сухо, как положено. Потом, уже в конце доклада, сказал то, ради чего его стоило выслушивать:

— Командир, у меня вопрос не по пробам. Мы подошли к воде и набирали её с берега. Она колыхалась — нормально, от забора. А потом, когда мы кончили, она перестала. Сразу. Синхронно. Всю поверхность. Как будто кончилось, что делать.

— Может, кончился ветер, — сказал Серёжа.

— Ветра не было, — сказал Тан. — Ветра там вообще не бывает. Я проверил по журналу наблюдений за прошлую ночь и за сегодня. Там никогда не бывает ветра. Только над водой. И только когда воду трогают.

Третья ошибка была моя — так Саша потом напишет в журнале, хотя в момент ошибки она ещё не знала, что это ошибка. В первый день она отдала приказ, который во всех учебниках назывался правильным: разгружать модуль, ставить каркас будущих жилых блоков, крепить геодезические метки по периметру площадки. Сорок меток, стальные, стандартные, с датчиками координат. Колония действовала как колония: закрепляла территорию.

Метки стояли ровно. Датчики показывали ровно. Ночью ничего не сдвинулось. А к третьему утру одиннадцать меток из сорока были обёрнуты — по кругу, на высоте от десяти до семидесяти сантиметров, — тонкой лентой. Не паутиной, не корнями, не мхом: лентой живой материи, полупрозрачной, тёплой на ощупь, через которую, если смотреть сквозь, проступала метка. Лента не затягивала датчик. Она шла вокруг стержня — как браслет. И на каждой из одиннадцати меток лента была одного и того же цвета. Тёмно-синего. Командного — цвета перчаток Саши.

Энгельман сказал: биология, защитная реакция, локальный организм отреагировал на тепло стальных стержней, ничего личного. Саша не спорила. Она знала, что никто в колонии

не готов услышать «лента выбрала цвет, который я ношу» — и она не готова была это услышать сама. Она приказала метки не трогать и отправила Тана снимать пробы ленты.

Лента отдала пробу легко — как отдаёт то, что отдаёт добровольно. Анализ показал ткань, не соответствующую ни одному известному типу клеток: не растительная, не грибная, не бактериальная. Организованная, с внутренней структурой, живая по всем признакам обмена веществ — и не имеющая ни ядра, ни мембран, ни того, на чём держится определение «живая» у земной науки.

— Это не «что-то», — сказал биолог Марта Ким, глядя на спектрограмму. — Это «кто-то». У этого есть структура, память и выбор. Я не могу написать в отчёте «организм». Я должна написать «субъект», и это меняет юридический статус колонии, потому что по протоколу первого контакта мы не имеем права субъектов тревожить.

— Мы их уже потревожили, — сказал Серёжа.

— Тогда мы обязаны извиниться, — сказала Марта, и это была первая фраза за день, которую Саша записала в словарь.

* * *

Словарь она завела в ту же ночь — не по протоколу, вопреки ему. Протокол первого контакта предполагал ведение реестра сигналов, частотных характеристик и лингвистических гипотез — сухая таблица для академий Земли. Саше нужен был другой документ. Тетрадь — бумажная, из дежурного комплекта — с двумя колонками. Слева — то, что сделала планета. Справа — то, что она сама сделала в ответ. И третья колонка, узкая, — «смысл», где она писала, что это, возможно, значило.

К утру третьего дня в тетради было одиннадцать строк.

Слева: мох сменил цвет на цвет моей перчатки. Справа: я стояла неподвижно и не отдёрнула руку. Смысл: я не напугана.

Слева: панель покрылась плёнкой. Справа: мы не протёрли её четвёртый раз. Смысл: мы не возражаем.

Слева: лента на одиннадцати метках. Справа: мы метки не трогаем. Смысл: мы не считаем это захватом.

Пока словарь был скудный — колония только училась замечать, что планета разговаривает, — но уже к седьмой строке Саша увидела то, из-за чего потом не спала: планета отвечала не на слова. У слов не было значения. Планета отвечала на намерение. Плёнка легла, когда техники решили продолжать протирать. Лента обернулась, когда одиннадцать меток ввели в командный периметр, — а на двадцати девяти остальных не появилась вовсе. Планета читала не действия. Она читала решения.

И тогда Саша сделала то, чего не было ни в одном протоколе, — и понимала, что делала.

Она вышла к метке номер четырнадцать, на которой ленты не было, сняла перчатку и положила ладонь на мох.

— Я здесь, — сказала она. — Мы будем здесь. Мы не хотим тебя менять. Мы хотим тебя выучить.

И добавила — потому что истинный первый контакт начинается не с того, что говоришь, а с того, чем готов пожертвовать:

— Назови мне своё имя.

Мох под ладонью прогрелся — ровно до температуры её кожи, ни на градус выше. Потом под ладонью — не по земле, а внутри ладони, в костях запястья — прошла волна: одна, длинная, с ритмом, который она уже слышала в ту ночь, когда планета её записывала.

Пауза. Тон. Пауза. Тон. Пауза — длиннее. Тон — ниже.

А потом ладонь отпустили. Не согнали — отпустили, как отпускают того, с кем договорились о встрече.

Саша занесла это в словарь — первой строкой не слева, а в центре, где место для того, что произошло между двумя колонками:

Это был ответ. Не «да», не «нет». Возможно, это была очередь. Она дала мне место в ритме — и место в ритме занимает не тот, кого терпят. Тот, кого ждут.

* * *

Мира Соловьёва доложила о всплеске в котловане на утреннем совещании четвёртого дня — не потому, что прятала три дня, а потому, что честно считала данные недостоверными. Доложила и замолчала, поправив папку. В колонистах это осталось незамеченным — но не у всех.

Слово взял человек, которого Саша до этого момента встречала только в списках: Карпенко, техник-регулировщик второго класса. Он встал — не по уставу, не по регламенту, а так, как встают, когда копили.

— Вопрос по существу, командир. Мы поставили сорок меток, покрыли площадку кабелями, бурим грунт под сваи, забираем воду из котлована, где вода и оставалась бы без нас, — и вы называете это контактом. В словаре, который вы ведёте — да, я знаю про словарь, о нём говорят по всему периметру, — в словаре вы записываете, что планета вас ждёт. Кто вам сказал, что она ждёт? Может быть, она вас терпит, потому что пока не поняла, что вы сделаете в первый цикл, а поймёт — и тогда нам понадобится не словарь, а эвакуационные капсулы, которых у нас нет.

По отсеку не прозвучало ни звука. Две тысячи двести человек на орбите и сто двадцать на площадке — это не толпа: толпа шумит. Это расчёт, и расчёт молчит, когда в нём проверяют вычисления.

— Вы правы, — сказала Саша. — Я не знаю, что планета ждёт. Я знаю, что она заметила, и это подтверждено четырьмя независимыми сериями замеров, которые вы видели в общем доступе. Всё остальное — словарь, ритмы, очередь — это моя гипотеза, и я записываю её как гипотезу. Но у меня к вам вопрос, Карпенко. Если планета терпит нас — она терпит нас целиком или по частям? Вы поставили метки и бурите грунт вместе со мной. Если она терпит нас по частям — в какой части находитесь вы?

Карпенко сел. Не потому что проиграл — потому что получил ответ, которого не просил: колония перестала быть делимой. Это и был ответ Сашиной стратегии, и она потом запишет его в журнале как первый большой вывод: планета не разбирала колонию на людей. Она разговаривала с колонией как с одним телом — и колонии, чтобы ответить, придётся стать одним телом, а не двумя тысячами двести голосов.

* * *

В ту же ночь, в 03:00, котлован всколыхнулся во второй раз.

Мира была на посту. Она ждала — три дня, с тех пор как поставила галочку «подтвердить», она просто ждала, и ждала она не как дежурная, а как человек, которому уже показали место и сказали прийти. Гидролокатор сработал на границе чувствительности. Один всплеск. Затем второй. Затем — Мира досчитала до сорока — третий.

Сорок секунд между первым и вторым. Сорок между вторым и третьим.

Это был ритм. Не случайность — случайность не умеет держать интервал. Вода в котловане, которой тысячи лет, которая никогда не волнуется, отсчитывала сорок секунд — как отсчитывают, чтобы быть услышанными. Как отбивают такт. Как, подумала Мира с холодом в позвоночнике, подают реплику.

Она не разбудила командира и на этот раз. Она сделала больше: подошла к пульту связи, открыла канал на жилой блок командного состава — и в эфире, в тишине внешнего поста, где не было ветра, она тихо сказала:

— Саша. Я думаю, она зовёт нас к воде. И я думаю, ей всё равно, пойдём ли мы. Она зовёт уже не первый раз. Мы просто раньше не слушали.

Глава третья. Вода

Экспедиция к котловану вышла в шесть ноль-ноль пятого дня — не потому, что ждали света, а потому, что Саша отказалась идти в темноте.

— Мы идём не в разведку, — сказала она на утреннем совещании. — Мы идём в гости. В гости в темноте не ходят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.